

РУСЛАН МЕЛЬНИКОВ

40

ПЪЕСА

Руслан Мельников

40

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4889441*

Аннотация

Кризис среднего возраста принимает у писателя Вениамина неожиданные формы. Накануне сороколетия Вениамину кажется, будто большей части прожитой им жизни попросту не было. Стараясь докопаться до сути, он все больше и больше убеждается в этом. Вскоре обнаруживается и злоумышленник, подворовывающий тихую писательскую жизнь...

Содержание

Действующие лица:	4
Сцена 1	5
Сцена 2	17
Сцена 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Руслан Мельников

40

Трагифарс среднего возраста

Действующие лица:

Вениамин – 39 лет, писатель, со всеми вытекающими...

Двойник Вениамина – мужчина того же возраста, не обязательно похож на Вениамина, но носит такую же одежду, что и он. Мастер пантомимы. Двойник большей частью молчит, но делает это очень красноречиво.

Лариса – 37 лет, жена Вениамина.

Стасик – сын Вениамина, старшеклассник.

Тася – дочь Вениамина, старшеклассница.

Светлана – бывшая любовница Вениамина, лет 35, плюс-минус, хотя возраст здесь не принципиален.

Денис – преуспевающий однокурсник Вениамина, примерно того же возраста, что и Вениамин.

Сосед – просто сосед.

Сцена 1

Ночь, гостиная в квартире Вениамина и Ларисы. Горит свет. За окном шумит дождь. По полу, креслу, дивану и столу в беспорядке разбросаны какие-то документы, газеты, книги, фотографии, коробки, альбомы. На полу стоит включенный ноутбук. На столе – заваленный бумагами телефон. Среди всего этого возится Вениамин в домашнем халате. Он сидит на диване. Из кучи бумаг Вениамин берет то одно, то другое, быстро просматривает и выбрасывает.

Входит Лариса в ночной рубашке. Сонная, растрепанная, непонимающая. Щурится на свет.

ЛАРИСА. Веня, ты чего не спишь?

Вениамин молчит и продолжает перебирать бумаги.

ЛАРИСА. Детей разбудишь.

ВЕНИАМИН. Я не шумлю.

Пауза

ЛАРИСА. Веня, сколько времени?

ВЕНИАМИН. Сорок. Скоро сорок.

ЛАРИСА. Что?

ВЕНИАМИН. Мне скоро сорок, Лариса.

ЛАРИСА. Ну а мне скоро тридцать восемь. И что с того?

ВЕНИАМИН. Ничего. У тебя два года форы, но это, по большому счету, ничего не значит.

ЛАРИСА. Что-то случилось?

Вениамин молчит, перебирает бумаги...

ЛАРИСА. Ты что-то ищешь?

ВЕНИАМИН. Ищу.

ЛАРИСА. Что?

ВЕНИАМИН. Так... пустячок.

ЛАРИСА. Что ты ищешь, Веня?

ВЕНИАМИН. Жизнь.

ЛАРИСА. Какую еще жизнь?

ВЕНИАМИН. Свою, Лара. Свою жизнь.

Лариса поднимает разбросанные на полу бумаги, складывает их на стол.

ЛАРИСА. Ты выпил?

ВЕНИАМИН. Нет.

ЛАРИСА. Приснилось что?

ВЕНИАМИН. Я не спал. Старался уснуть, но не смог.

ВЕНИАМИН. Почему?

ЛАРИСА. Мысли всякие...

Лариса прекращает убирать бумаги.

ЛАРИСА. Какие мысли? В чем дело, Веня?

ВЕНИАМИН. Разве я не сказал? Мне почти сороковник, а я не могу найти то, что прожил.

Лариса садится на пол возле дивана. Положив руки на колени Вениамину, смотрит на мужа снизу вверх.

ЛАРИСА. Тебе плохо?

Вениамин смотрит в окно.

ВЕНИАМИН. Осень. Дождь...

ЛАРИСА. Плохо, а?

ВЕНИАМИН. Муторно. Маятно.

ЛАРИСА. Рассказывай. Ты же знаешь, мне можно.

ВЕНИАМИН. Да собственно нечего рассказывать, Лариса. Ничего нет и рассказывать не о чем.

ЛАРИСА. Врешь. Я же вижу. Если есть, что искать среди ночи, значит, есть, о чем рассказать.

Вениамин спускается с дивана на пол в кучу бумаг. Садится рядом с женой.

ВЕНИАМИН. Мне скоро сорок, Лара. Раньше люди больше и не жили.

ЛАРИСА. Ной жил лет пятьсот. Или даже тысячу. Или что-то вроде того.

ВЕНИАМИН. Да я не о том «раньше» говорю, Лариса. Были времена, когда дожить до тридцати считалось счастьем, а мне почти сорок.

ЛАРИСА. Ты начинаешь меня пугать. Ты ведь ничего не задумал, правда?

ВЕНИАМИН. Успокойся, я не свихнулся.

ЛАРИСА. И никаких глупостей не будет? Точно?

ВЕНИАМИН. Не будет. Я не собираюсь сводить счета с жизнью. Просто я никак не могу ее найти.

ЛАРИСА. Да чего ты не можешь найти, Веня? Чего?

ВЕНИАМИН. Ну, как бы тебе втолковать? Сорок лет прошло... ушло. А куда? Где они? Где моя жизнь? Вот смотри...

Вениамин начинает судорожно рыться в бумагах, бормочет.

ВЕНИАМИН. Публикации, проекты какие-то, черновики, блокноты, опять черновики, черновики, синопсисы, планы, счета, счета, счета... Нет, лучше так... Да, так нагляднее будет.

Вениамин перебирает выпавшие из альбомов снимки.

ВЕНИАМИН. Фотографии. Эти вот – самые старые. Я в детском саду. Надо же, сохранились. Школа... А это университет. А вот мы с тобой. Свадьба. Роддом. Таська. Опять роддом. Стасик. Это мы с детьми дома. Это – на улице. На улице. Дома. Дома. На улице. Первый класс, еще первый. Еще какие-то классы. Дни рождения. Вечеринки. Просто так щелкались. Выезжали куда-то. Отдыхали. Шашлыки. Море. Горы... Ну и друзья, конечно. Твои, мои, наши. У нас, оказывается, когда-то были друзья, Лара, а потом остались только знакомые. И куда они все подевались, друзья-то?

ЛАРИСА. Наверное, туда же, куда и мы для них. Так тебя это беспокоит?

ВЕНИАМИН. И это тоже. Хотя нет, сейчас не это, другое. Друзья остались где-то там (*неопределенно машет рукой*). Но они хотя бы были – я знаю. Вот и фотографии есть. Ага, дальше все цифровое пошло – на компе.

Вениамин подтягивает к себе ноутбук.

ВЕНИАМИН. Тут даже в руках подержать нечего. Надо в папках искать, в каталогах. Виртуальная копия жизни, которой не было, вернее, которая была фрагментарно. Смешно, да?

ЛАРИСА. Что значит «не было»? Что значит «фрагмен-

тарно»? Мне совсем не смешно, Веня.

Вениамин поворачивает ноутбук к ней. Что-то показывает на экране.

ВЕНИАМИН. Фотки, видео. Это когда мы с тобой камеру купили.

ЛАРИСА. И что не так?

ВЕНИАМИН. Этого мало – вот что. Даже всего этого. *(Вениамин обводит руками завалы бумаг, фотографий, ноутбук.)* Может быть, надо было чаще фотографироваться и реже выбрасывать старые бумаги, не знаю, не знаю. Но это не сорок лет, Лара. Максимум – год-два, ну три с натяжкой. Если все суммировать. Если в режиме нон-стоп-воспоминаний. Это то, что я помню. То, что хорошо помню, и о чем напоминают снимки. Ну, пусть лет пять-шесть, с учетом того, что я помню смутно. И все! Больше я о своей жизни ничего не помню. Вообще. Где это все? Куда это все?

Входит Двойник Вениамина. На нем такой же халат, как на Вениамине. Двойник, в отличие от встревоженного Вениамина, спокоен и безмятежен. Он всем доволен. В руках Двойника чашечка с чаем. Попивая чаек, он тоже перебирает и рассматривает разбросанные бумаги и фотографии. Некоторые снимки прячет в карман халата. Вениамин и Лариса не видят Двойника даже когда смотрят в его сторону.

Здесь и далее, будучи незримым свидетелем происходящего, Двойник выражает свое отношение к чуждому диалогу мимикой и жестами.

ВЕНИАМИН. Как будто паразит какой-то присосался и тянет, тянет, тянет... Дни, месяцы, годы, которые я прожил. Вернее, которые я должен был прожить. Как будто за меня живет другой человек, серенький такой никчемненький человечешко. Вот и сейчас мне кажется, что я не один.

Вениамин растеряно вертит головой. Смотрит на Двойника, но не видит его.

ЛАРИСА. Вообще-то здесь еще я есть.

ВЕНИАМИН. Да, ты есть. Но я не о том. Я о том, что Я (выделяет «я» интонацией, указывает на себя) – не один. Меня как бы два сразу. И не понятно, какой из меня настоящий. Потому что не понятно, кто проживает мою жизнь – я этот или я тот.

ЛАРИСА. Да что ты такое говоришь, Веня?

ВЕНИАМИН. Он живет, а я не помню. Потому что он – не я. Или не совсем я. Или просто потому что он живет за меня так, что нечего помнить.

ЛАРИСА. Послушай, ну нельзя же запомнить все.

ВЕНИАМИН. Если есть что помнить – можно. А моей жизни как будто и не было, понимаешь? Нет признаков жиз-

ни. Нет результатов.

ЛАРИСА. А книги, которые ты написал? Твои книги, Вениа?

ВЕНИАМИН. А что книги?

Вениамин начинает перебирать лежащие в куче бумаг книги.

ВЕНИАМИН. Вот эта, кажется, заняла три или четыре месяца. Или пять. Эта – пять или шесть. Опять-таки, это мне так кажется, точно утверждать не берусь. Эта – то ли четыре, то ли пять месяцев, не помню. Видишь, даже этого я не могу вспомнить. Впрочем, все эти книги можно было писать, а можно было не писать, и ничего бы не изменилось. В принципе, любой из таких, с позволения сказать, романов, можно набить в компьютер за месяц, но у меня на работу почему-то уходит гораздо больше времени. Или куда-то еще оно уходит...

Вениамин отпихивает книги. Двойник, поставив чашку с чаем на стол, без интереса листает одну из них.

ВЕНИАМИН. Я ведь почти не помню, как писал. Как во сне всё было, вернее, в полусне, когда то засыпаешь, то просыпаешься. То есть, я понимаю, что писал, даже урывками припоминаю, что сидел за компьютером и стучал по клави-

шам, но очень короткими и невнятными такими урывками. А все остальное проходило мимо. И то, как писал, и то, как жил при этом. Всего остального как бы не было, Лара. И я боюсь, что остального не было на самом деле. Я даже не помню, как мои книги выходили в свет и появлялись в магазинах. Даже как они у меня появлялись.

ЛАРИСА. Я покупала. Тебе присылали авторские экземпляры.

ВЕНИАМИН. Нет, это-то я помню. Сам факт. Но не то, что было до и после. А главное — я совсем не помню, что чувствовал при этом. Или я вообще ничего не чувствовал? Нет, вру, когда вышла первая книга, я пару дней был рад и горд. Даже немного удивлен. Только не помню уже, чему я радовался, гордился и удивлялся. А потом вообще ничего не было.

Пауза. Двойник качает головой.

ВЕНИАМИН. Оно и понятно. Когда никчемных книг написано больше одной-двух, они перестают что-то значить.

Двойник прислушивается и кивает

ЛАРИСА. Не говори так.

ВЕНИАМИН. Почему?

ЛАРИСА. Да потому что это не так!

ВЕНИАМИН. Разве? У меня даже не все мои книги стоят на полке. Раздарил. Презентовал. Выходит, это не важно. Выходит, эта часть жизни не имеет значения. Выходит, ее попросту не было. Ну, или не было многого из нее.

ЛАРИСА. Твои книги читают, Веня.

ВЕНИАМИН. Да, тут ты права. Мои книги все-таки продаются, их воруют и вывешивают в Интернете пираты. Есть даже фанаты, которые иногда задают мне вопросы на форумах и которым я иногда отвечаю. Значит, то, что я пишу каждый день, не отлипая от компьютера, кто-то иногда почитывает. Но это не то, Лариса. Это как если бы я продавал ненужные вещи. Изю дня в день, изю дня в день, изю дня в день. Я часто вижу таких людей. В магазинах, на рынке. Они шебуршат, мельтешат, машут руками, разговаривают о чем-то, ругаются, торгуются. Но у них уставшие неживые лица. Потому что они и не живут на самом деле. Их временного отсутствия никто не замечает, а если они пропадают навсегда, их место занимают другие, в точности такие же, как они. И я такой же. И у меня так же. Немного по-другому, но в целом так же.

ЛАРИСА. Тебе надоело писать?

ВЕНИАМИН. Мне надоела терять. Надоело каждое утро садиться за компьютер, пялиться в монитор до позднего вечера, а потом удивляться, куда подевалось время, почему я так мало успел сделать и почему я ничего не помню о прошедшем дне. И о предыдущем. И о предыдущем перед

предыдущим. И о тех днях, что были раньше. Надоела рутина.

Двойник недовольно морщится. Отмахивается.

ВЕНИАМИН. Любая рутинная работа – это идеальные условия для того, чтобы не замечать, как твою жизнь проживаешь не ты. Причем, не просто не замечать, но и мириться с этим. Оправдывать это. Рутинная превращает жизнь во что-то безжизненное. Или наоборот не-жизнь становится рутинной. Человек живет только тогда, когда в его жизни происходит что-то по-настоящему значимое и важное. Иначе велика вероятность, что живут за него. Чтобы жить самому, нужна встряска, электрошок. Нужно пригвоздить свою жизнь на доску памяти каким-нибудь ярким событием. Тогда прожитые годы не смогут ускользнуть. Тогда будет уверенность, что именно ты их прожил. Сам. А так... *(Вениамин осматривает разбросанные книги, бумаги, фотографии)*. Так все как-то вяло... неубедительно... несущественно. В том смысле, что как бы и не существует. Теперь ты понимаешь, что я имею в виду? Что ищу? Что пытаюсь найти?

ЛАРИСА. Да, кажется, я понимаю. И еще мне кажется, что ты ищешь свою жизнь не там.

ВЕНИАМИН. А где я, по-твоему, должен ее искать? Хотя нет, не говори. Я знаю, что ты скажешь. И я знаю, что ты скажешь правильно. Но я знаю также, что не смогу сейчас с

тобой согласиться. Я должен найти то, что ищу, сам, Лара. Или сам перестать искать.

ЛАРИСА. Тебе нужно поспать, Веня. Ты устал. Снова работал допоздна и просто устал. Утром все будет проще и понятнее. Утром всегда находится то, что теряется по ночам.

ВЕНИАМИН. Не знаю, может быть, и так. Только ведь не получится уснуть. Я пытался – бесполезно. А снотворного у меня нет. И не было никогда. Странно, да? У меня никогда не было снотворного, а я как будто проспал всю жизнь.

ЛАРИСА. Я помогу тебе уснуть, Веня. Пойдем со мной, пойдем в спальню.

Двойник одобрительно кивает. Вениамин и Лариса уходят. За ними уходит Двойник.

Сцена 2

Сон первый

Спальня в квартире Вениамина и Ларисы. На двуспальной кровати лежат Вениамин, Лариса и Двойник. Лариса – в своей ночной рубашке, Вениамин и Двойник – в одинаковых майках и семейных трусах в горошек. Лариса лежит между мужчинами.

Вениамин беспокойно ворочается во сне, стягивая одеяло с Двойника. Двойник поднимается на кровати и начинает вытягивать из-под одеяла, в которое замотался Вениамин, длинную бечевку.

Лариса спит. Вениамин просыпается.

ВЕНИАМИН (сонно). Лара? Лариса?

Двойник качает головой. Тянет бечевку. Вениамин открывает глаза.

ВЕНИАМИН. Ты кто?

ДВОЙНИК (продолжая тянуть бечеву). Я.

ВЕНИАМИН. Но ведь я — это я.

ДВОЙНИК. И что это меняет?

ВЕНИАМИН. Если я это я, то ты...

ДВОЙНИК. Не так. Я — это ты. В той же мере, в какой ты — я. Только ты всегда хочешь большего, чем достаточно мне.

ВЕНИАМИН. Четр тебя подери! Кто ты?

ДВОЙНИК (*смеется*). Считаю, что я твой сороковник.

Вениамин недоуменно оглядывается.

ВЕНИАМИН. Непонятно. Темно.

ДВОЙНИК. Мне хватает и света, и ясности.

ВЕНИАМИН. Для чего? (*Смотрит на бечевку, которую тянут из-под него.*) Что ты делаешь?

ДВОЙНИК. Тяну.

ВЕНИАМИН. Бред какой-то!

Двойник качает головой, тянет бечевку.

ДВОЙНИК. Жизнь.

ВЕНИАМИН. Что ты тянешь?

ДВОЙНИК. Я же сказал: тяну жизнь.

ВЕНИАМИН. Мою?

ДВОЙНИК. Твою.

ВЕНИАМИН. У меня?

ДВОЙНИК (*кивает*). На себя. Я забираю твою жизнь.

ВЕНИАМИН. Зачем?

ДВОЙНИК. Потому что ты сам ее отдаешь. Потому что ты ее давно бросил. Потому что у тебя есть, что взять. Сейчас ты не можешь восстановить в памяти то, что было между фотографиями, которые ты показывал ей (*кивает на Ларису*). А скоро не сможешь вспомнить и этот кусочек своей жизни.

Вениамин хватается за бечевку.

ВЕНИАМИН. Я смогу! Я вспомню!

ДВОЙНИК. Как, если нечего будет вспоминать? Ты, который хочешь что-то помнить, уже уступил мне время, о котором у тебя не остается воспоминаний. Поэтому я и тяну твою жизнь на себя. Как одеяло. Уже много-много лет тяну.

Вениамин пытается бороться за бечеву, но запутывается в одеяле и явно проигрывает в этом «перетягивании каната».

ВЕНИАМИН. Не смей! Оставь!

ДВОЙНИК. А то что?

ВЕНИАМИН. Не смей этого делать! Слышишь?

ДВОЙНИК. А что сможешь сделать ты?

ВЕНИАМИН. Я...

ДВОЙНИК. Ты можешь только написать про меня ро-

манчик и всячески надо мной поиздеваться, но это будет неинтересная книга. Все книги про меня будут неинтересные и скучные. А про себя тебе писать нечего. Твоя жизнь становится моей.

ВЕНИАМИН (*кричит*). Нет! Она моя! Жизнь моя!

Беспокойно ворочается, но не просыпается Лариса.

ДВОЙНИК. Твоей жизни почти не осталось. Считай, что ты умер.

Двойник накидывает на шею Вениамину бечеву, начинает его душить.

ДВОЙНИК. Тебе уже сорок, а позади пусто. Это пустые сороковины по твоей жизни. Сороковины! Сороковины! Сороковины! (*Смеется*).

Вениамин пытается освободиться и в то же время старается не выпустить бечеву из рук.

ВЕНИАМИН (*хрипит*). Моя! Не отдам!

Сцена 3

Кухня в квартире Вениамина и Ларисы. Стол, четыре стула, холодильник. На столе – нарезанные бутерброды и несколько книг. Вениамин в халате стоит у окна. Пьет чай. За окном дождь, слышны гудки машин. На одном из стульев сидит Двойник, которого не замечают. Двойник тоже пьет чай.

Входит Лариса в домашней одежде.

Двойник устраивается поудобнее, как в кресле кинотеатра.

ЛАРИСА. Завтракать будешь?

ВЕНИАМИН. Нет.

ЛАРИСА. Что у тебя на шее?

ВЕНИАМИН. Не знаю. Наверное, поцарапался во сне.

ЛАРИСА. Ты кричал ночью. Дети слышали. Таська перед школой спрашивала, что случилось.

ВЕНИАМИН. Снова дождь.

ЛАРИСА. Так и не поспал толком. Что-то приснилось?

Вениамин напрягается, пытаясь вспомнить.

ВЕНИАМИН. Не помню. Я даже своих снов не помню.

ЛАРИСА *(вздыхает).* Опять!

ВЕНИАМИН. Да, опять. Утро не очень помогает, Лара.

ЛАРИСА. Мужчины-мужчины... Я иногда поражаюсь, как много значения вы придаете незначительным вещам.

ВЕНЕАМИН. Пропавшая жизнь – это незначительная вещь?

ЛАРИСА. Ладно, ладно, не заводишь, прости.

ВЕНИАМИН. Как так получается: вроде жил, а вроде и нет. Непонятно и страшно получается. Сорок лет, а где прожитое? Может, мою жизнь украли, Лара?

ЛАРИСА. Кто?

ВЕНИАМИН. Откуда я знаю? Какие-нибудь похитители чужих жизней.

Двойник тихонько смеется и давится чаем.

ЛАРИСА. Пишешь фантастический роман?

ВЕНИАМИН. Да ничего я не пишу. Вообще не могу работать. Раньше в осенний дождь так хорошо работалось, а теперь все мысли только об одном. Лара, точно тебе говорю, кто-то или что-то ворует у меня жизнь целыми годами.

ЛАРИСА. У тебя одного?

ВЕНИАМИН. Может, и не у меня одного. Может, ее крадут у всех. Посмотри, вон стоят люди на остановке. *(Показывает в окно, а через окно – в зал.)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.